

ПРОЗА

Борис ЩЕРБАКОВ

ТАЙНЫЙ РАЗГОВОР

В сумерках уже, с горем пополам добрался я до заветного местечка. Под развесистым кедром, у родника, сбросил рюкзак. Наслаждаюсь отдыхом... Ноги гудят, задеревенела спина... Ещё бы, столько подъёмов и спусков по кручам и осыпям. Позади километры тайги, каменных россыпей и болот. Раскинул под кедром спальник, развел костер и вскипятил чаю, заварив его сморщенными, почерневшими от времени листьями бадана. Ближе к ночи в горах свежеет быстро, по склонам, рядом совсем, снега, и поэтому после заката вскоре же становится зябко: грею ладони о горячую кружку. После ужина забрался в спальник: люблюсь сквозь игольчатые, размётанные ветки кедр сиянием звезд. Лучистые, холодные, они путались в хвое, как в паутине. Где-то далеко, внизу, шумели неспящие речки. Пока лежал и смотрел на небо, вслушиваясь в ночные голоса, не заметил как уснул – взяла усталость...

Солнце в этот раз застало меня врасплох. Проснулся тогда, когда крепко припекло. Над горами стояло яркое, чистое утро. Над дальними заснеженными хребтами голубело нежно-бездонное небо. Искрилась от выпавшей за ночь росы каждая хвоинка на разметавшем во все стороны свои ветки кедре. Утром все выглядело иначе: ближний кедровник светился, пронизанный утренними лучами. И всюду в ветвях их вспыхивали невидимые вчера паутинки. Светлокрылые мушки обтанцовывали каждую его ветку. А около, прямо у ног, в горсти серых камней вскипал и плевался золотистыми песчинками родничок, на котором брюхатилась обомшелая от сырости небольшая скала. А между мной и родничком на тонком стебельке стоял облитый солнцем золотисто-оранжевый цветок огонька алтайского. Удивился, увидев его: как не растоптал вчера впотьмах? Как не наступил?

- А ты не удивляйся! - неожиданно прозвенел тоненький, как паутинка, приятный, как перезвон родниковых струй, голосок.

- Это кто ещё? Что за наважденье?

Протер на всякий случай глаза, огляделся: все по-прежнему - кедр надо мною, как малахитовый, застыл. Тишина кругом, если не считать шума далеких речек и пересвиста таежных синиц, и легкий говорок родничка, и молчаливая над ним скала... Вижу далеко внизу, в лесистой долине, по цветистым альпийским лугам золотятся лиственницы да кедры - одиночки с толстыми стволами. Все как обычно: по всему горизонту горбатятся вершины, укрытые снегом, с черными скуластыми скалами. И кажется, что белое одеяние гор сплошь в темных заплатках. А выше..., выше все то же голубое и прозрачное, как стеклышко, небо. Ветерок налетел, колыхнул ветками кедр, травы качнулись... Ветерок умчался, и некоторое время из глубины ущелий доносится прерывистый рокот стремительных речек. И, ни души...

- Не удивляйся, это я говорю - Огонёк!

Обернулся тогда я на цветок, а он покачивается на хрупком своем стебельке и мелко трясет махровой головкой, словно сон отряхивает, и падают с его

оранжевых щек кали – слёзками, набрякшими холодной ночью.

- Мне давно хотелось поговорить с тобой, Человек!

- О чём же? - спрашиваю неуверенно, стараясь не выказать своего удивления: цветок и вдруг?! - О чём же говорить будем? - повторяю я и делаю равнодушное лицо. Слово разговор с цветком – явление для меня обычное и ни сколько не удивительное. А сам про себя думаю: «Не дай Бог, кто-нибудь услышит да подумает, - сам с собой мужик-то разговаривает, наверное, того уже...».

- Вижу: ты очень удивлён! - начал он. – И скрываешь это. А ты не удивляйся! Вы – люди, просто не знаете, что цветы тоже умеют говорить. Не знаете и, похоже, знать не хотите. Ходите как глухие, все своими делами занятые. До нас Вам и дела никакого. И вообще в наши дикие горы Вы приходите только с делом каким-нибудь, не затем, чтобы послушать тишину этих гор, песни ветра или голоса птиц. И тем более не затем, чтобы послушать, о чём шепчется лес или о чем разговаривают травы. На нас – цветы, Вы смотрите как на само собой разумеющееся, равнодушно, как на эти серые камни. Иногда выбираете самые яркие или полезные для Вас...

Он вдруг умолк и печально склонил махровую головку. Я даже услышал, как он тихо вздохнул. Я молчал, не зная что и сказать. Да, самому себе трудно поверить, что вдруг цветок заговорил. А он вновь поднял головку и пристально посмотрел на меня своим карим глазком. Мне казалось, что и смотрит-то он не на меня, а прямо в душу.

- Я видел, какой ты вчера уставший пришёл, - продолжал он. - Я слушал ночью твоё тёплое дыхание и понял: ты наслаждаешься сном. А ещё понял, что людям ходить по земле нелегко, - он снова помолчал и тихо сказал: - Ты, сидя на одном месте, так просто нужного не узнаешь. И запомни, самая главная и правдивая книга, которую должен прочитать каждый из нас, кто жил на этой земле, - это сама Жизнь!

Огонек замолчал, опустил головку, и ни один его листик не шевелился. Он теперь походил на все другие огоньки, которых здесь по лугам не счесть. Я уж было засомневался: «Разговаривал ли он? Уж не с головой ли чего у меня..?» Я видел, как задумчиво Огонёк смотрел в голубое, бездонное небо и слегка покачивался на лёгком ветру. «И чего это я вообразил, что он разговаривает, да еще и сам в рассуждения, объяснения разные пустился...» – смотрю на него и про себя думаю так. А он растёт себе молча и, как загипнотизированный, знает одно - смотреть на солнце. Но вдруг он снова спрашивает меня чуть упавшим голоском:

- Расскажи, где ты живёшь, где дом твой?

- Хорошо, - сказал я, - живу в городе, там дом у меня. Как же без дома?

- Я слышал, в городе твоём много домов?

- Домов столько, сколько деревьев в этой долине и по этим горам. А людей, - сколько цветов на этих лугах. И у каждого свой дом. В них и живем. И каждый человек, где бы он не бывал, обязательно домой возвращается.

- На что он похож, дом твой? Я ни разу не видел человеческого дома.

- Человек живет по своим законам: от каждого зависит счастье другого...

- Всё, что ты мне сказал сейчас, - прервал меня Огонёк, - правильно. Но с одним не согласен я: Природа мудра и без Человека. Человек мудрости этой у нее учится, как часть ее малая. А по законам ее, ни один Властелин не может по-настоящему быть счастливым. Тревоги, подозрения, страх всегда полнят сердце его, терзают душу... Каждый Господин свое господство должен оберегать, удерживать, иначе его легко утратить, – Огонек как бы воодушевился и, не спуская с меня темно-коричневого глаза, продолжал: - Подумай сам, если тебя беспокоит страх, большой или малый, если терзают сомнения и заботы,

разве можно сказать, что ты счастлив? То, что ты считаешь счастьем, надуманно все. Ваше счастье не всегда истинное... У тебя, Человек, представление о нем неверное. С тех самых пор, как только Вы стали людьми, Вы позабыли, что такое настоящее счастье, разучились понимать его с тех времен, когда начали воевать друг против друга, когда начали строить на земле дворцы и пирамиды...

Он внезапно умолк. Взгляд его вновь стал задумчивым. Как старому приятелю, пролетающему мимо ветерку он слегка кивнул головкой И пока я обдумывал сказанное им, он снова чётко и звонко заговорил. Голосок его теперь звучал более твердо и более уверенно:

- Ты меня прости, - сказал он, - но Вы – Великие мира сего, поступками и действиями своими не только удивляете, вы, порой, «убиваете». Поэтому, Человек, все слова мои – есть постоянные сомнения, и они не случайны: так ли уж Вы умны в делах своих, Люди-Человеки, как это Вы думаете о себе? Вы забываете, что все, что есть на земле, подчинено великим законам природы. На том и стоит свет. И помни, великое на этой земле - не только то, что создал ты сам, трудом своим...

«Ого! – думаю, - вон куда он повернул».

- Скажи мне тогда, - спрашиваю, - как же мы выглядим в ваших глазах, в глазах цветов, которые всегда молчат, и кажется, что ничего не знают и, тем более, ничего не понимают: растут как обычная трава...

Огонёк покачивал головкой:

- Ну, хотя бы муравьёв, да именно их вы напоминаете - этих беспокойных тружеников, одержимых, вечно, заботами, суетливых... Вы, как и они, - в этот прекрасный мир, который создан для всех, всю свою жизнь пятитесь задом наперед, отягощенные собственной тяжёлой ношей. Я всегда, глядя на Вас, сомневаюсь: знаете ли Вы, где всходит и где заходит вот это прекрасное Солнце? Вам - озадаченным, озабоченным, не интересны звёзды и закаты, - Огонек с сожалением посмотрел на меня своим единственным глазком и продолжал:

- Вы, многие, порой всю свою жизнь не видите, отворачиваетесь от всего, что есть вокруг, несете непомерно тяжелые ноши, которые называете вещами...; добываете их всякими правдами и неправдами и волочетесь с ними всю свою короткую жизнь, не замечая многого... А случится, что Человек-Муравей свернёт себе шею, но, как ни странно, это не только не учит других, напротив, они с большей охотой становятся на его место и радуются тяжкой ноше как высшему благу. И все идет по-прежнему: волочатся с убийственной для них энергией, несут ее всю оставшуюся жизнь, не щадя ни собственных сил, ни кого другого. И считают себя удачливыми, – Огонек снова замолчал, словно собираясь с мыслями, и снова заговорил: - Есть среди Вас похожие на кротов: какими-то все тайными, чёрными ходами всю жизнь пользуются. Дай им сполна свет Божий, Солнце, они назовут себя несчастными. Смешно даже! Есть среди Вас и такие, которые, подобно скрытным змеям, пресмыкаются перед другими. Поэтому они не ходят, они ползают, огибая всё угодливо и услужливо, особенно тех, кто сильнее, шипят на весь мир втайне, боясь столкнуться с сильным, но норовят все кого-нибудь, без разницы, тихо, но больно укусить. В том их и есть тайное наслаждение... Потому и люди таких называют «змеями».

- Огонек! – спрашиваю. - Не кажется ли тебе, что всех нас ты видишь мрачными, некрасивыми в помыслах и поступках?

- Какими вижу, такими и называю. Может тебе не интересно со мной?

- Отчего же, напротив, даже очень интересно. Продолжай.

- Есть Люди-Человеки, - начал он, - как вон те стрижи, которые кружат у черных утесов, – он кивнул вверх головкой, и я увидел у скал быстрые и легкие,

как тени, силуэты стрижей, а он продолжал: - Носятся они всюду, сломя голову, с широко открытыми ртами, резкими, слышными далеко криками. Кажется, они небо все выпить хотят, а достаются-то им всего-навсего лишь жалкие мошки, – Огонек снова помолчал, а потом, тряхнув головкой, сказал: - Разве о всех Вас расскажешь... Вы такие же разные, какими бывают все те, кто живет на нашей земле.

Огонёк ещё что-то хотел сказать, но я остановил его:

- Ну, хорошо, в какой-то степени, допустим, ты прав. Всё в жизни людей находит место, хорошее и плохое, доброе и подлое... Свет велик и сложен! Каким же тогда должен быть Человек, по-твоему? Ответь мне, пожалуйста, если ты знаешь столько пороков, унижающих сущность его, и предназначение в этом мире.

- Главное в Человеке - его дела и мысли, - ответил Огонек и строго глянул на меня. Мне он в этот момент показался вовсе не безобидным оранжевоголовым цветком, а строгим седым мудрецом.

- Тем и велик Человек, - сказал он, - что способен умом охватить весь этот необъятный Мир и даже в чем-то сделать его лучше. А Мир, как знаешь Ты, не так прост, как петушиный крик! И Человек велик не тем, что от него тень на земле большая. Главное украшение его - его мысли. И так же, как мои лепестки украшают меня, так дела и помыслы украшают тебя - Человек! У такого Землянина можно отобрать всё, кроме его мыслей. Однако тот, другой, лишённый их, становится похожим тоже на цветок, но лепестки которого уже давным-давно облетели. Мысли - цвет твоей сущности, Человек. Они то же самое, что бабочки, что птицы и цветы – в море трав. Одержимый стяжатель, лишённый светлой мысли, как червь ползет в поисках завистливой славы и роскоши. Он сгорает от зависти, предаёт всех и вся, чтобы ощутить себя Владыкой. Но запомни, Человек, - строго глянул мне он прямо в глаза, - Природа добра, она же мстительна: в конце-концов все такому обернется холодом презрения его потомков. Лишенный сокровищ, такой «червь» обозленный ползает как слепой, не желающий видеть даже Солнце, которое его же согревает. Он занят только собой.

- Ну, хорошо, Огонек, - остановил я его и перевёл разговор, как мне захотелось, на другую тему, - как бы там ни было, но ты не будешь оспаривать, что Человек, в целом-то, счастливее тебя.

- Почему ты так подумал? – спросил он.

- Хотя бы потому, - я ответил, - что ты живёшь всего одно лето, как мотылёк. Много ли счастья у тебя может быть за короткое время. Ты не будешь спорить, что у Человека счастья много больше, которое он имеет за всю свою долгую жизнь?

Огонёк неожиданно засмеялся и затрясся... Смеялся он так звонко и заразительно, что я поверил, что он по-настоящему счастлив. Так смеяться могут только самые-самые счастливые.

- Пожалуй, ты прав, всего одно лето красуется мой цветок, - стряхивая слезы счастья со своих лепестков, ответил он. – Всего одно лето ласкает меня мое Солнце. Но ты забываешь, что оно - Солнце - на зиму засыпает, сила его слабеет. И ты зимой не тот, что весной и летом. Но согласишься со мной: лето одно - не так уж и мало.

Он замолчал, покачивая головкой, словно отбиваясь теперь от каких-то ненужных ему мыслей, и вновь заговорил: «Скажи по-совести. Так ли уж много дней в своей жизни ты бываешь по-настоящему счастлив?».

Не ожидал, признаться, такого вопроса, замешкался...

- Право не знаю, как много, - ответил ему. - Но минуты, а может и дни настоящего счастья знаю, как и каждый.

- То-то и оно! - оживился Огонек. – Настоящее счастье твоё, Человек, складывается из минут, мгновений, возможно, и дней, - он пристально посмотрел на меня и задумчиво добавил: – Я счастлив всё моё лето, с того времени, как появляюсь под этим Небом. Счастлив, когда надо мной стоит чистое Солнце или в часы, когда небо полнится сиянием звезд. Ведь мы - цветы, есть ни что иное, как звезды земли... Я блаженствую, когда омывают меня дожди, когда ветер ворошит и причесывает мои листья. Хмелею я от утренней свежести, млею от поцелуя бабочки и музыки жужжащей пчелы. Выходит, каждый из нас бывает одинаково счастливым: ты за свой век, я за своё, как ты сказал, «одно» лето.

- Тогда, - возразил я, - счастье не только в том, что тебе тепло, светло и приятно, есть и другие в жизни радости: любовь, дружба, дела... Тебе же всё это чуждо. Ты лишён даже тайны, связанной с продолжением рода своего, воспитания детей.

- Ты опять ошибаешься. Любовь свою ты, Человек, находишь в мужчине или женщине, в детях своих и близких. Я же любовью связан со всем этим, что окружает меня, со всем этим миром, в котором рождён. Землю люблю, что вскормила, и Солнце, ласкающее меня. Ты посмотри, как я похож на него, - он показал на Солнце, которое стояло уже над головой, и продолжил: - Я, как и оно, хотя и очень маленький, но украшаю нашу Землю. С нами - цветами, она еще прекраснее. В том я и вижу главное предназначение своё. А это не так уж и мало, - потом уже, с особой нежностью он рассуждал: - Под сердцем моим всё лето зреет семя моей любви. В него я заложил всё самое прекрасное, что есть во мне – красоту, любовь и нежность. И там, где упадёт оно, там и будет моё продолжение, моё бессмертие, как и в твоих детях.

Огонёк умолк. Нахохлил оранжевые лепестки и подставил цветок свой к солнцу, летящему над нашими головами. Мне он очень напоминал выскочившего погулять на лужайку златокудрого пуделя, который, ни разу не моргнув, смотрел на слепящий огнистый шар.

- Ты, действительно, очень красив. Сколько говорю с тобой, столько и люблюсь. Ты, правда, похож на солнце. Много радости смог принести бы ты людям, которые видели б тебя. И жаль, что твоя прекрасная долина, в которой море цветов, так далеко от людей.

- Ты сам, Человек, виноват. Сам прогнал всё прекрасное, что когда-то тебя окружало. Теперь же вынужден так далеко ходить на свидание с прекрасным. В тебе сохранилась ещё память тех времён, поэтому ты и стремишься на свидание с природой. Я думаю так, - говорил он, - не следует винить косаря в том, что исчезают цветы, а того, кто к ним равнодушен, кто их, просто не заметив, вытаптывает. Мне всегда была непонятна страсть твоя, Человек: гонишься за красивым и сам же все это истребляешь. Ребёнок твой, прежде всего, ловит самую красивую бабочку, охотник выбирает самого красивого зверя или птицу, женщина твоя собирает самые яркие цветы. Поэтому всё, что есть прекрасного в природе, отступило, отошло вглубь, подальше от порога жилья твоего. Я уверен, если станешь ты, Человек, разумнее и милостивее, – цветы сами придут к твоему дому. Тогда прекраснее в помыслах лицом станешь и ты, Человек! И будет тебе тогда благодарен весь этот светлый мир, где стал ты хозяином.

Теперь Огонёк говорил, а сам всё куда-то поглядывал за меня, отворачивался. Его что-то беспокоило.

- Кого-то ждёшь? – спрашиваю.

- С тобой неудобно беседовать, - огорчался он. - Ты заслоняешь мне мое Солнце. А без него мир кажется слепым. Мы знаем всегда, где оно, даже в непросветное ненастье, в любую глухую полночь. Я люблю смотреть на него,

а ты сейчас мне мешаешь.

- Извини, - говорю, - Огонёк, я пересяду. Я уступаю тебе твое Солнце, которое склоняется уже к горизонту.

Оказывается, вот так долго тянулся наш тайный непринужденный разговор. Много ещё разного, наивного и существенного услышал я от доверившегося мне цветка.

- Вот так! – тихо вздохнул он. - Так мы все и живём. Мир света, дождей и туманов сам приходит к нам, – сказал он и почему-то добавил: - Запомни - движение ещё не есть главное. Главное, что именно движет. Руки твои, Человек, не сами создают всё прекрасное, им обязательно нужна голова. И не просто голова, а светлая, иначе они, эти руки, могут обратиться в лапу зверя.

Над горами опустился вечер. Тревожной чернотой подступающей ночи наливались таёжные распадки. Исполненные первозданной мудрости и невысказанности темнели снежные вершины, сторожащие нашу с Огоньком долину. Вновь я развёл костёр под этим же кедром, у этого же родника. Вскипятил также чаю. Огонёк молчал, а я долго ещё раздумывал на том, что услышал от него. Блики огня освещали печально склонённую его головку. Он не спал. Солнце скрылось, и он, как мне казалось, грустно смотрел на мой одинокий в этих диких горах костёр и так же, как я, думал о чём-то тайном, о чём-то своём.

- Расскажи, пожалуйста, о твоей личной жизни. Где и как ты жил? Что делаешь? Что тебя волнует и что других? Я буду очень внимательно слушать, хоть всю ночь, - попросил Огонёк.

Я согласился. До утра горел мой костёр. И всю ночь я вёл неторопливый свой разговор под отдалённый шум невидимых речек, под тайный шёпот опустившихся над нами звёзд. Я поведал ему о многом: о себе, о людях, об их заботах и печалях. И только слышал, как время от времени он тихо вздыхал. Утром же, когда выглянуло Солнце, на нежных лепестках Огонька блестели слёзы. Я не стал спрашивать, почему он плакал. Может, ему стало жаль меня или всех людей..? А может, просто все это мне показалось, так как травы в то утро все были покрыты чистой холодной росой.

